

СТИВЕН
КИНГ

ТЕМНАЯ
ПОЛОВИНА

Издательство АСТ
Москва

*Эта книга посвящается
Шерли Зондергер,
которая помогает мне
заниматься моим делом,
а также ее мужу Питеру.*

Примечание автора

Я очень признателен покойному Ричарду Бахману за помощь и вдохновение. Без него я бы не написал этот роман.

С. К.

ПРОЛОГ

— Режь его, — сказал Машина. — Режь, а я посмотрю. Хочу увидеть, как льется кровь. Не заставляй меня повторять дважды.

Джордж Старк. Путь Машины

Жизнь человека — его настоящая жизнь, а не просто физическое существование — начинается в разное время. Настоящая жизнь Тэда Бомонта, мальчишки, который родился и вырос в Риджуэйской части Бергенфилда, штат Нью-Джерси, началась в 1960-м. В том году с Тэдом произошли два события. Первое определило всю его жизнь; второе едва ее не оборвало. Тогда Тэду Бомонту было одиннадцать лет.

В январе он написал короткий рассказ и отправил его на конкурс начинающих писателей, организованный при поддержке журнала «Американский тинейджер». В июне пришло письмо от редакции журнала. В нем говорилось, что за участие в конкурсе Тэд получает поощрительную грамоту в номинации «Художественная проза». Также там было сказано, что жюри присудило бы ему полноценное второе место, если бы в сопроводительной записке к рассказу он не указал свой возраст — до настоящего «американского тинейджера» ему не хватало еще двух лет. Тем не менее, писали редакторы, его рассказ «У дома Марти» оказался на удивление зрелой работой, с чем его и поздравляли.

Сама грамота пришла через две недели. Ее прислали заказным письмом. Имя Тэда было вписано в грамоту столь витиеватыми готическими буквами, что он едва смог их разобрать. Внизу стояла золотая тисненая печать с логотипом «Американского тинейджера»: силуэ-

ты двух танцующих подростков — мальчика с короткой стрижкой и девочки с длинным хвостом.

Мама крепко обняла Тэда — тихого, серьезного мальчика, который всегда был чуть-чуть не от мира сего и часто путался в собственных ногах, — и осыпала его поцелуями.

Отец совершенно не впечатлился.

— Если он так хорош, чего ж ему не дали денег? — пробурчал он из глубины своего мягкого кресла.

— Глен...

— Ладно, проехали. Может, наш Эрнест Хемингуэй стоняет отцу за пивом, когда ты прекратишь его тискать?

Мать ничего не сказала... но ходила в багетную мастерскую, заказала рамки для письма и для грамоты, заплатив за них из своих денег «на булавки», повесила их над кроватью в комнате Тэда и показывала всем и каждому, кто приходил к ним в гости. Тэд когда-нибудь станет великим писателем, говорила она. Она всегда знала, что Тэд рожден для великих дел, и вот оно — первое доказательство. Тэда все это смущало, но он очень любил свою маму и поэтому ничего ей не говорил.

Но смущение смущением, а в одном мама все-таки была права. Тэд не знал, сможет ли он стать *великим* писателем, но *каким-то* писателем он обязательно станет. Кровь из носа, но станет. Почему бы и нет? У него хорошо получается. И самое главное, ему это нравится. Когда приходят нужные слова, это действительно кайф. И они не смогут вечно отказывать ему в деньгах. Ему же не всегда будет одиннадцать.

Второе важное событие, произошедшее с ним в 1960-м, началось в августе. Именно в августе его стали мучить головные боли. Сперва они были не слишком сильными, но к началу учебного года слабое, ноющее ощущение в висках и в середине лба превратилось в чудовищные марафоны агонии, во время которых Тэд мог толь-

ко лежать в комнате с зашторенными окнами и ждать смерти. К концу сентября он уже думал о том, что *хочет* умереть. А к середине октября боль дошла до той точки, когда ты всерьез начинаешь бояться, что не умрешь.

Приступы этой кошмарной головной боли обычно сопровождалась фантомными звуками, которые слышал лишь он один. Звуки напоминали отдаленное чириканье тысячи маленьких птичек. Иногда ему казалось, что он почти видит их, этих птиц — скорее всего воробьев, — целую стаю, рассеившуюся на телефонных проводах и крышах, как это бывает весной и осенью.

Мать повела его к доктору Стюарту.

Доктор Стюарт внимательно изучил его глаза через офтальмоскоп и покачал головой. Потом плотнее задернул шторы, выключил верхний свет и велел Тэду зафиксировать взгляд на белом участке стены. Пока мальчик смотрел, доктор светил на стену карманным фонариком, быстро шелкая кнопкой, так что яркий круг света то вспыхивал, то гас.

— Есть какие-нибудь неприятные ощущения, сынок?
Тэд покачал головой.

— Не чувствуешь слабости? Как будто сейчас поте-ряешь сознание?

Тэд опять покачал головой.

— Не чувствуешь никаких запахов? Как от гнилых фруктов или жженого тряпья?

— Нет.

— А как насчет твоих птиц? Ты их не слышал, когда смотрел на мигающий свет?

— Нет, — ответил обескураженный Тэд.

— Это все нервы, — сказал отец, когда Тэда выдво-рили из кабинета в приемную. — Этот ребенок, черт по-бери, просто живой комок нервов.

— Думаю, это мигрень, — вмешался доктор Стю-арт. — В таком возрасте случай достаточно редкий, но

не сказать, чтобы совсем небывалый. И мальчик, похоже, весьма... впечатлительный.

— Да, он такой, — подтвердила Шейла Бомонт не без некоторого одобрения.

— Возможно, со временем мы назначим ему курс лечения. А пока что, боюсь, ему надо просто перетерпеть.

— Да, и нам вместе с ним, — сказал Глен Бомонт.

Но это были не нервы, это была не мигрень, и это был далеко не конец.

За четыре дня до Хэллоуина Шейла Бомонт услышала, как один из ребят, вместе с которыми Тэд по утрам дожидался школьного автобуса, завопил во весь голос. Она выглянула в окно кухни и увидела сына, бьющегося в конвульсиях на земле. Рядом лежала коробка для завтраков, из которой вывалились сэндвичи и фрукты. Шейла выбежала из дома, разогнала испуганных детишек и беспомощно застыла над сыном, боясь к нему прикоснуться.

Если бы большой желтый автобус с мистером Ридом за рулем подъехал чуть позже, Тэд мог бы умереть прямо там, на подъездной дорожке к собственному дому. Но мистер Рид служил в Корее медбратом. Ему удалось откинуть голову мальчика назад и освободить дыхательные пути, прежде чем Тэд задохнулся, подавившись собственным языком. На «Скорой» его отвезли в Бергенфилдскую окружную больницу, где по счастливой случайности в тот день дежурил доктор Хью Притчард, который сидел в приемном отделении, пил кофе и болтал с приятелем, хвастаясь своими мифическими достижениями в гольфе. А доктор Хью Притчард был лучшим неврологом во всем Нью-Джерси.

Он сразу отправил мальчика на рентген и тщательно изучил снимок. Показал его Бомонтам, обратив особое внимание на расплывчатое затемнение, которое обвел желтым восковым карандашом.

— Вот, — сказал он. — Это что?

— А мы, можно подумать, знаем, — проворчал Глен Бомонт. — Это вы у нас доктор, черт возьми.

— Верно, — сухо отозвался Притчард.

— Жена говорит, у него вроде как был припадок, — добавил Глен.

— Если, — начал доктор Притчард, — вы имеете в виду судорожный припадок, то да. Если же *эпилептический* припадок, то я уверен, что нет. Такой серьезный припадок, как у вашего сына, означал бы, вне всяких сомнений, крайне тяжелый случай эпилепсии, а Тэд не проявил никакой реакции на световой тест Литтона. На самом деле, если бы Тэд страдал эпилепсией в тяжелой форме, вы бы знали об этом и без врачей. Он бы бился в конвульсиях всякий раз, когда в телевизоре подрагивает картинка.

— Тогда что это? — робко спросила Шейла.

Притчард повернулся обратно к снимку на негатоскопе.

— Что *это*? — проговорил он с нажимом и вновь постучал пальцем по области, обведенной желтым кружком. — Внезапные приступы головных болей вкупе с ранее не наблюдававшимися судорожными припадками дают основание предположить, что у вашего сына опухоль мозга. Вероятно, еще небольшая и, будем надеяться, доброкачественная.

Глен Бомонт уставился на врача с каменным лицом, а его жена заплакала в носовой платок. Она плакала без единого звука. За годы супружества она в совершенстве овладела искусством беззвучного плача. Кулаки Глена били стремительно, очень больно и почти никогда не оставляли следов, так что после двенадцати лет молчаливых страданий она, наверное, и не смогла бы разрыдаться в голос, даже если бы захотела.

— Так вы, значит, будете резать ему мозги? — спросил Глен с присущими ему тактом и деликатностью.

— Я бы не стал называть это так, мистер Бомонт, но да, я считаю, что в данном случае требуется диагностическая операция, — ответил Притчард и подумал: *Если Бог все-таки существует, и если Он в самом деле создал нас по Своему образу и подобию, то мне даже не хочется думать о том, почему, черт возьми, в мире так много уродов вроде вот этого Бомонта и почему от этих уродов зависят судьбы стольких людей.*

Глен молчал несколько секунд, глядя в пол и задумчиво хмурясь. Наконец он поднял голову и задал вопрос, который беспокоил его больше всего:

— Скажите, док, только честно... во сколько оно обойдется?

Медсестра увидела это первой.

Ее пронзительный вопль разорвал тишину операционной, где последние пятнадцать минут звучали лишь тихие распоряжения доктора Притчарда, глухое шипение аппаратуры жизнеобеспечения и, время от времени, резкий визг хирургической пилы.

Медсестра отшатнулась, налетела на каталку, где были аккуратно разложены все инструменты, и перевернула ее. Каталка рухнула на кафельный пол с гулким грохотом, за которым последовал звон падающих инструментов.

— Хилари! — крикнула старшая сестра. Она так возмутилась, что, забыв обо всем, сделала шаг в сторону убежавшей медсестры в развевавшемся зеленом халате.

Доктор Альбертсон, ассистировавший на операции, легонько пнул старшую сестру по ноге.

— Не забывайте, пожалуйста, где вы находитесь.

— Да, доктор. — Она опять повернулась к столу и даже не взглянула на дверь операционной, когда та с грохотом распахнулась, и Хилари вылетела в коридор, продолжая вопить, словно пожарная сирена.

— Инструменты — в стерилизатор, — сказал доктор Альбертсон. — Быстро.

— Да, доктор.

Она принялась собирать инструменты, тяжело дыша, явно в смятении, но держа себя в руках.

Доктор Притчард, похоже, вообще ничего не заметил. Он сосредоточенно всматривался в окошко, вырезанное в черепе Тэда Бомонта.

— Невероятно, — пробормотал он. — Просто невероятно. О таком только в книгах писать. Если бы я не видел своими глазами...

Шипение стерилизатора вернуло его к действительности. Он как будто очнулся и повернулся к доктору Альбертсону.

— Надо откачать кровь, — резко проговорил он и взглянул на сестру. — Ну и что вы там застряли? Кроссворд, что ли, решаете? Давайте сюда инструменты!

Она подошла, неся инструменты в новой кювете.

— Начинайте откачивать, Лестер, — приказал Притчард Альбертсону. — Прямо сейчас. А потом я покажу вам такое, чего вы нигде не увидите. Разве только на ярмарочном шоу уродов.

Альбертсон подкатил к столу откачивающий насос, едва не задев старшую сестру, которая отскочила назад, но инструменты все-таки удержала.

Притчард повернулся к анестезиологу:

— Следим за давлением, дружище. Ваша задача — держать давление.

— У него сто пять на шестьдесят восемь, доктор. Как у космонавта.

— Хорошо. Его мать говорит, что у нас тут лежит второй Уильям Шекспир, так что держите давление, как сейчас. Приступайте, Лестер... только нормально качайте. Не надо его щекотать этой штукой!

Альбертсон включил насос и принялся откачивать кровь под успокаивающий ровный гул контрольной ап-

паратуры. А потом ему вдруг стало нечем дышать. Как будто кто-то ударил его под дых.

— О Господи. Господи Боже. Иисус милосердный. — Он на мгновение отшатнулся... а потом наклонился поближе. Над хирургической маской его глаза за толстыми стеклами очков широко раскрылись и вспыхнули любопытством. — Что это?

— Думаю, вы сами видите, что это, — сказал Притчард. — Просто к этому надо привыкнуть. Я о таком только читал. И даже не думал, что когда-нибудь увижу своими глазами.

По цвету мозг Тэда Бомонда напоминал внешнюю кромку раковины рапана: серый с едва различимым розовым оттенком.

Из гладкой поверхности твердой мозговой оболочки торчал слепой, недоразвитый человеческий глаз. Мозг слабо пульсировал. Глаз пульсировал вместе с ним. Словно пытался им всем подмигнуть. Именно это — как бы подмигивающий глаз — и напугало операционную сестру.

— Господи Боже, что это? — повторил Альбертсон.

— Уже ничего, — ответил Притчард. — Когда-то оно, вероятно, было живым человеческим существом. А теперь это ничто. Разве что некоторое затруднение. Но с этой трудностью мы сможем справиться.

Доктор Лоринг, анестезиолог, спросил:

— Можно взглянуть, доктор Притчард?

— Давление в норме?

— Да.

— Смотрите. Будет о чем рассказать внукам. Но только быстро.

Пока Лоринг смотрел, Притчард повернулся к Альбертсону.

— Мне понадобится пила, — сказа он. — Надо немного расширить отверстие. А потом прозондируем. Не

знаю, смогу ли я вычистить все, что там есть, но что смогу, я вычищу.

Лестер Альбертсон, который теперь замещал старшую операционную сестру, подал Притчарду свежепростерилизованный зонд, когда тот потребовал инструмент. Мурлыкая себе под нос песню из сериала «Бонанца», Притчард обрабатывал рану быстро, почти играючи, лишь изредка бросая взгляд в зеркальце на конце зонда. Он действовал в основном на ощупь. Позже Альбертсон говорил, что никогда в жизни не видел столь потрясающего проявления хирургического наития.

Вдобавок к глазу они нашли часть ноздри, три ногтя и два зуба. В одном из зубов была маленькая кариозная полость. Глаз продолжал пульсировать и пытаться подмигивать вплоть до той самой секунды, когда Притчард сперва проколол его тонким скальпелем, а потом удалил. Вся операция, от предварительного зондирования до окончательного удаления, заняла всего-навсего двадцать семь минут. Пять комков плоти с влажным хлюпаньем упали в стальную кювету, стоявшую на столике рядом с выбритой головой Тэда.

— Думаю, там уже чисто, — наконец объявил Притчард. — Похоже, вся чужеродная ткань соединялась рудиментарным нервным узлом. Если там и остались другие куски, мы скорее всего их убили.

— Но... как такое возможно? Ребенок же до сих пор жив. Я имею в виду, это же части *его самого*, разве нет? — спросил озадаченный Лоринг.

Притчард указал на кювету.

— Мы нашли глаз, пару зубов и ногтей у него в голове, и вы полагаете, что это части его самого? У него что, не хватает ногтей? Давайте проверим?

— Но даже рак — это всего лишь часть организма...

— Это был не рак, — терпеливо проговорил Притчард. Пока он объяснял, в чем тут дело, его руки продолжали